КИНО И ВИНО ОТ ДЕПАРДЬЕ

Лет 15 назад, еще в детстве, я впервые увидела его в комедии «Невезучие». Эта очень смешная история из 70-х годов отлично сохранилась к началу 90-х. Во всяком случае, когда в позапрошлом феврале ее крутили в Киноцентре на Красной Пресне (по причине приезда в Москву французов Ж.-П. Раппно, К. Миллера, П. Ришара и Ж. Депардье), переполненный зал корчился от хохота. Примостившись на ступеньках, гомерически рыдал режиссер Станислав Говорухин, ступенькой выше стонал Виктор Мережко со своей «Кинопанорамой».

В «Невезучих» артист явился миру высоким, худощавым, в отутюженном костюме оливкового цвета. Больше я его таким никогда не видела. Давно набранный вес — за сто килограммов. Любимая деталь гардероба (за редчайшим исключением) — куртка.

В загородном доме Депардье огромное количество курток, доставшихся в наследство от сыгранных им персонажей. Он с удовольствием показывается в одежде Сирано де Бержерака, облачается в алую мантию Колумба, надевает плащ Огюста Родена. В «историческом» обличьи дает интервью друзьям-журналистам или позирует перед фотографами. И неистово при этом веселится. Здоровая детина. Здоровое дитя.

(Жерар Депардье:— Никто не знает, что такое талант, но, наверное, он у меня действительно есть. По крайней мере я уверен: человеку с талантом жить куда интереснее, небанальнее. Я до сих пор гляжу на вещи с точки зрения непослушного, любопытного ребенка, который все время подслушивает и подглядывает. По моему разумению, талант — как раз умение подглядывать и подслушивать...)

Под виноградниками у него в Шато де Тинье 27 гектаров земли. Лоза дает 60 000 бутылок анжуйского. 2000 бутылок он ежегодно экспортирует в Америку.

Американский журналист Пол Чартков, выпустивший недавно биографию Жерара Депардье на английском и французском языках, пишет, что тот отправился в Париж из своего родного городка задолго до совершеннолетия. При этом он еще и заикался. Преподавателю мальчишка понравился, сразу же был отправлен к логопеду, который и обнаружил у будущей звезды феноменальную память. Чуть позже Депардье баловался актерским искусством в различного рода театральных пьесах, а потом как-то между делом вдруг снялся у режиссера Маргерит Дюрас (статья о творчестве Маргерит Дюрас опубликована в 22 номере нашего журнала. — **Прим. ред.**), предварительно починив ей водопровод. В 1973 году, сыграв у Бертрана Блие в «Вальсирующих», Депардье вкусил первый глоток славы.

Он продолжал сниматься много и в разных странах. Франсуа Трюффо выбрал его для «Соседки» и «Последнего метро» (в обеих картинах у него что-то от амплуа героя-любовника). Депардье у Трюффо еще напоминал бы крестьянского отпрыска, если бы не загадочная страстность в игре и поведении, не менее загадочная, чем у другого детища «новой волны» — Жан-Пьера Лео. Однако Лео так и не изменил себе ни разу — не снял маски «грустного Пьеро». А Депардье, после того, как этот

Ж. Депардье — гость фестиваля. Канн – 94. (Фото Андре Люка.)

кинематограф почти официально сочли закончившимся, лишь мгновенье постоял на распутье, а затем пошел наугад, не выбирая дороги, так и оставшись на всю жизнь мечёным «новой волной». Мечёным в том смысле, что каждый, кто вышел из школы Годара и Трюффо, до последнего дня остается существом ищущим.

Эти мастера разбудили молодого Депардье, зарядили его, угловатого, простоватого, сумасшедшей жаждой жить и бунтовать по всякому поводу. И научили искусству перевоплощения перед камерой, что в конце концов взорвало спокойную, основательную, толстокожую оболочку детины с огурцеобразным лицом и носом-картофелиной, мужлана, назначение которого, быть может, состояло в том, чтобы выращивать виноград.

У себя, в глубине Прованса, Депардье прост и величествен, как виноградный лист. Здесь он с удовольствием берется за лопату. Доходы от страсти первой, профессиональной, вкладывает в угодья. Вино, как утверждают отведавшие счастливцы, — божественное!

Пол Чартков сообщает, что мальчик появился на свет чуть ли не волей случая: его мать собиралась сделать аборт с помощью вязальной спицы. (Семья Депардье была очень бедна, отец неграмотен, каждый год рождалось по ребенку.) В 13 лет Депардье-младший бросил школу и промышлял сбытом продовольственных карточек на американской военной базе. Но к своим близким относился с любовью и почтением.

(— Меня иногда спрашивают, отчего я кажусь скорбным. Отвечаю: потому что моих родителей больше нет на свете. Будь они живы, сколько бы разных вещей я сумел открыть в этом мире! Но их нет, и не у кого спросить совета. Порой я так растерян...)

Растерянность в глазах не исчезает и на кинохронике.

Вот его герой, молодой французский композитор, приехавший в Америку заключить фиктивный брак, надеясь таким способом получить вид на жительство. В начале фильма Питера Уира «Зеленая карточка» («Вид на жительство») Депардье — громила, валяющийся в сапогах на диване и не брезгующий извозчичьим словцом. Но затем это неаккуратное, агрессивное, подчас растерянное существо проявляет бесчетное количество достоинств, превращающих детину в нежное дитя. И

«Простая формальность»

«Вальсирующие»

Признаться, редкий актер может позволить себе не иметь амплуа. Депардье позволяет. Но всеядность это или вездесущность?

закономерна любовь к нему элегантной героини Энди Макдауэлл, материализовавшаяся из дичайшей ненависти. На экране Депардье никогда не болтает без умолку, скорее, он не словоохотлив. Берет мимикой, пластикой движений: как же неподражаемо он кривит нос! «Визуальный магнетизм» — термин, почти узаконенный критиками, рассуждающими о его таланте.

«Жерминаль»

В жизни же поговорить любит. Иногда.

(— Слова я люблю, как хорошее вино. Без слов я бы просто умер. В молодости человек жадно впитывает все, что его окружает. Став актером, я открыл для себя книги и не только прочел, но и пережил слова, произносимые героями.)

В фильме А.Корно «Выбор оружия» Депардье снялся вместе с Катрин Денев и Ивом Монтаном. Он сыграл преступника, то ли туповатого, то ли затаившегося в угол. Длинные сальные волосы, шея, втянутая в плечи, руки глубоко в карманах. Едва уловимая тень нежности или чего-то с ней схожего пробежит по лицу, и оно опять обретет туповатость. Взгляд на миг высокомерно скажет уже знакомую невзрослую растерянность и вновь станет колючим. Оказывается, у этого бандита — маленькая дочка. Он хочет выкрасть ее из дома опекуна. Своя судьба, даже исковерканная, стоит свеч, и ради нее можно выползти из угла. Хотя бы на четвереньках. В финале фильма он и ползет, окровавленный, по грязному асфальту к той пригрезившейся ему новой жизни с дочкой, и на него направлено дуло пистолета.

(— Мой герой, даже самый банальный или самый свирепый, всегда поселяется глубоко в сердце. Кого бы я ни играл, все делаю по-настоящему.)

Депардье — отменная почва для выращивания цветка чувства, жирная, теплая, надежная. И эротичная, считают некоторые, в частности, Шерон Стоун. Что ж, субъективные оценки тоже надо учитывать.

В Париже я увлеклась Депардье, насмотревшись фильмов Бертрана Блие, чьи извращенные деликатесы — кушанье для гурманов-аристократов. На съемочной площадке утонченного сюрреалиста («Спасибо, жизнь», «Холодные закуски») крестьянин-винодел чувствует себя вольготно, прикидывается шебанутым, как, впрочем, все у Блие, и рад ткать вместе со всеми шебанутыми узорчатую ткань абсурдистского сюжета.

В кинематографе Марко Феррери («Прошай, самец», «Последняя женщина») герои, отданные на откуп Депардье, тоже кажутся не в своем уме. Но это уже совсем другие герои, другое кино. Иная цивилизация — но и в ней проглядывают узнаваемые ростки: желание жить и бунтовать по всякому поводу. А может, просто субъективная необходимость видеть во всем ностальгические отсветы «новой волны».

В фильме «Прощай, самец» («Мечта обезьяны») герой без зазрения совести бросает любимую девушку, ждущую от него ребенка, зато готов усыновить маленькую обезьянку. Когда же ее, обожаемую, сжирают крысы, он идет в старый музей и сжигает себя вместе со зданием. *(«Самосожжение, — говорил Депардье, — единственный смысл жизни».)*

Новую славу Депардье принес фильм Бруно Нюйтена «Камилла Клодель», где актер воскресил образ скульптора Огюста Родена: мужик играл мужика, талант — гения.

(— Вряд ли я смогу объяснить, чем мне нравится какая-то роль. Интуиция подсказывает: а вот и образ для тебя, голубчик. Никому бы в голову не пришло спрашивать у Моцарта, почему он сочинил именно эту музыку. Нет у меня никаких методов игры. Когда я голоден — ем, когда испытываю жажду — пью, а не иду наперекор желаниям. В своих персонажах ничего специально не ищу. Просто погружаюсь в них. Как Бельмондо или Габен.)

И все-таки я увидела его в Париже. Коллеги однажды привели меня на великосветский раут, где был и Депардье.

«Прощай, самец»

Ходила за ним по залу полвечера с включенным диктофоном. Он дружески смеялся, похлопывал по плечам всех подряд, но глаза были затуманенные, неясные, словно смотрели не на зал, а в себя. Он был для меня неосязаем, как шарики ртути, выпавшие из разбитого термометра. И вдруг раздался грохот — гора во фраке рассохоталась. Дамы взвизгнули, а я уронила кассетник. С опозданием на полвечера Жерар Депардье очнулся от отрешенности: глаза стали ясными и прозрачными, и, кажется, изменили цвет. Что-то рассмешило его в том, собственном мире. Но что? Я постеснялась спросить.

(— Советую помнить, актер — всегда одиночка. Такова профессия.)

Только дети бывают по-настоящему счастливы в своем одиночестве.

Но сколько же их, Жераров Депардье? Вот он один:

— Больше всего меня волнует быстротечность времени. Я уже не тот, что раньше. Теперь три дня прихожу в себя после крутого бодуна, а бывало вставал по утру как огурчик.

(Депардье любит повеселиться. Будучи председателем на Каннском фестивале — 92, он официально заявил прессе, что главное для мероприятия такого размаха — побольше выпивки. Потом, правда, поразмыслив, добавил: и чтобы хороший актер сыграл у хорошего режиссера классного шебанутого! Устный привет Бертрану Блие и Марко Феррери!)

А вот и другой:

— Я ненавижу любую форму насилия. Это превратное и опасное понимание идеи человеческой свободы. Насилие пробует разрушить замысел природы — божественный замысел. А борьба с Богом — вещь бессмысленная. Человек не имеет права насиловать даже себя. Путь к самосовершенствованию лежит только через самосозидание, никак не через разрушение. Мы это понимаем слишком поздно.

Какой из этих двух Депардье настоящий? Наверное, оба.

Жерар Депардье — хороший семьянин. Его первая и единственная жена Элизабет — тоже актриса. Сын Гийом снялся с отцом в фильме «Все утренние часы мира» и самостоятельно — в «Нежной мишени». Дочь Жюли склонна к философии, учится в университете.

Поговаривают, что Депардье — всеяден. Играет то, что предлагают. Американизируется. Глотает, не поперхнувшись. Все его бурное творчество — просто какая-то «большая жратва». В 46 лет он снялся более чем в 90 фильмах.

Сейчас Депардье работает вместе с Вупи Голдберг над картиной «Мнимый», Ванесса Паради — его партнерша в «Элизе» Жана Бекереа. Американец Ник Кассаветис мечтает анга жировать Депардье на фильм «Не задеть звезды» вместе с Гари Олдманом.

Так что новые встречи с прекрасным артистом — не за горами.

Натэла МЕСХИ